

*Ренате и Карине Камаловым
с любовью...*

ГЛАВА 1

«Если ты не приедешь, я никогда тебе этого не прощу!» В записке было написано именно так. Черным по белому. Вообще стиль послания был настолько категоричен, что напрочь обескураживал. Сначала: «Хочешь — верь, хочешь — не верь, но это я, Марина».

До Вики долго доходило, какая такая Марина. По почерку не узнала. А потом... Нет, ну надо же! Столько лет ни слуху ни духу, и вдруг: «Срочно приезжай! Брось все дела, ты мне очень нужна!»

Сколько же лет они не виделись? Десять? Двенадцать? Да, пожалуй, как школу окончили, так и все. И вот нате вам — не письмо, не открытка, а махонькая такая записулочка, вложенная в солидный конверт.

Виктория все утро вертела в руках странную записку. И кофе пила с ней, и в автобусе два раза вынимала из кармана и принималась читать. А на работе записка мешала сосредоточиться. Виктория машинально впускала в себя искаженные звуки сонатины, извлекаемые из инструмента четвероклассником Ваней Кудрявцевым, и тщетно пыталась сострять хоть какую-то версию события, которое

могло страстись у подруги детства Марины, чтобы та спустя столько лет упорного молчания вдруг вспомнила о ней, Вике.

В соседнем классе нещадно били по клавишам. Там разучивали этюд и, вероятно, считали: чем сильнее ударяешь, тем лучше запоминается.

— Ваня, фальшивишь. Здесь си. Си, а не ля. Неужели ты не слышишь?

Ваня Кудрявцев красноречиво зевнул. Ему было явно наплевать и на си, и на ля, и на всю сонатину в целом. Ему глубоко безразлична неминуемая тройка на предстоящем экзамене, которую он обязательно получит, так как на четыре не сыграет ни за что. Его мамочка побагровеет, как закатное солнце, услышав оценку, и долго будет предъявлять Вике свои претензии.

— Ваня, дома надо заниматься. Сыграешь четыре раза этюд и пять раз сонатину.

Ваня с готовностью закивал, кося глазами в окно. Там, за пределами музыкалки, буйствовала весна. Влажные блестящие листья наивно глазели на мир. Как доверчивые дошколята. Еще не подозревали, что весьма скоро наступит момент и глянец исчезнет. К клейкой нежной коже прилипнет пыль, сухая летняя жара испортит яркий зеленый наряд. И жить-то им всего полтора сезона...

Кудрявцев, похоже, об этом смутно подозревал, потому-то и торопился туда, где светило, зеленело и пахло. Он пялился в окно и готов был пообещать Вике что угодно, лишь бы она отстала от него и отпустила в этот весенний, насыщенный запахами и звуками мир.

Виктория записала ученику в дневник очередное задание и еще раз напомнила о парадной форме. Че-

рез минуту она уже наблюдала в окно, как Кудрявцев несется по проезжей части дороги, высоко над головой подкидывая папку с нотами.

В соседнем классе наконец прекратили истязать клавиши, но взамен раздался громогласный, срывающийся на визг голос Ольги Петровны. Ольга Петровна дрессировала Сосницыну. Вика ясно представила прямую как палка Сосницыну с очками на веснушчатом носу, виновато и обреченно застывшую над фортепиано, а также бегающую вокруг нее Ольгу Петровну. Раскрасневшуюся, пышущую жаром.

— Ты что, совсем тупая, или как? — кричала Ольга Петровна, колотя авторучкой по инструменту. — Здесь ясно написано: «Аллегро». Ал-лег-ро! Ты понимаешь, что такое аллегро?

Вика взглянула на часы: без десяти пять. Родители уже наверняка привели подготовишек и толкуются в гардеробе.

Если они услышат, как ведет урок Ольга Петровна, половина из них к первому сентября передумает вести своих детей в музыкальную школу.

Она вышла из класса и прошла в вестибюль, к телефону. Набрала номер Галки. На вопрос о Марине Свитовой Галка ответила определенно:

— Она теперь новая русская. Ты что, не знала? У нее все о'кей. Муж крутой. Квартира улучшенной планировки в элитном доме. Денег куры не клюют. Когда я ее видела? Ну года два назад. А что?

Вика не знала — что. Если у Марины все благополучно, с какой стати она шлет записку, содержание которой можно сравнить разве что с сигналом SOS? Это просто вопль о помощи! Невероятно.

Это ей, Вике, впору рассылать подобные записки. Это ей хочется иногда распахнуть окно и крикнуть: «Люди! Помогите! Я больше не могу слушать бездарные потуги Вани Кудрявцева, загоняемого в школу из-под палки. Не могу я больше терпеть визгливые концерты старой девы Ольги Петровны, которые весной неизменно переходят в аллегро... Товарищи! Родные! Не могу я больше возвращаться домой в раздрыганном вонючем автобусе и, вдоволь надышавшись выхлопными газами, слушать дома песню о том, как их мерзавец-отец променял верную жену на молодую стерву. Но больше всего, люди, невмоготу мне, горе-мычней, ходить в этом плаще! Больше того, я его видеть не могу, товарищи! Я ношу его примерно столько, сколько живет на свете Ваня Кудрявцев! Ведь на мою зарплату плащ можно покупать только по частям. Месяц — рукава, месяц — карманы, а еще три месяца — все остальное».

Да что говорит! Это ей, Вике, давно пора разыскать Марину и возопить о помощи. Это же просто смешно: «Вика, поверь, ты одна в состоянии мне помочь».

Вика вздрогнула — визгливое крещендо Ольги Петровны достигло вестибюля. Одна из мамаш, толпящихся у гардероба, оглянулась. На лице родительницы проступило легкое недоумение. Вика сняла с телефона трубку и положила на стол.

— Серафима Ивановна, — обратилась она к вахтерше. — Позовите, пожалуйста, Ольгу Петровну к телефону.

Вахтерша не сразу поняла Викин замысел. Когда сообразила, метнулась в направлении криков.

Когда Ольга Петровна подлетела к телефону, тот издавал короткие гудки.

— Ну вот, не успела! — засокрушалась она, раскланиваясь с родителями. — А кто звонил? Не сказали?

— Мужской голос, — бесцветно бросила Вика, изучая объявление о завтрашнем концерте.

— Да? — Голос Ольги Петровны моментально приобрел бархатистость, мягкость и глубину. Она огляделась, определяя, достаточно ли народу слышало, что ей звонил мужчина. И неторопливой походкой вернулась в класс.

Взрыв негодования по поводу Сосницыной иссяк, теперь некоторое время можно жить спокойно. Вика вернулась в класс и села за инструмент. То, что ее следующая ученица опаздывает на урок, было как нельзя кстати. Вика пробежала пальцами по клавишам. Заглушая измученный Сосницыной этюд, в окружающее пространство полилась прекрасная мелодия Шопена. Листья за окном затрепетали, прислушиваясь к музыке. На подоконнике вытянулись в струнку две свечи, подаренные Вике учениками на 8 Марта. Дама с репродукции Брюллова, висящей над фортепиано, принялась покачивать перьями на шляпе в такт музыке. Такое случалось всякий раз, едва Вика садилась за инструмент и играла Шопена. В такие моменты она легко представляла себя классической красавицей — только вроде мотылька, длинноногой, с блестящими, ловко подобранными кверху волосами, с ямочками на щеках от озорной кокетливой улыбки. Но, увы, едва ее взгляд задевал лакированный верх инструмента, она тотчас возвращалась в реальность — видела в пианино свое круглое лицо с допотопным каре, отнюдь не беззащитные и не хрупкие плечи, внушительную грудь, которую, как ни криви душой,

трепетной не назовешь. Даже давно, во времена зеленой юности, когда Викины ровесницы смотрелись розовыми бутонами, она, Вика, не выглядела трепетной и юной. Она была большой, основательной, крепкой. Ей с одинаковой откровенностью плакались в жилетку и девочки, и мальчики. Она была товарищ. Товарищем и осталась.

«Приезжай сразу, как получишь письмо». Сразу — это как? Сегодня? Завтра? В разгар учебной четверти...

Логически завершая Викину мысль, скромно скрипнула дверь кабинета, и в проеме показалась крючковатая фигура директора.

— Занимаетесь, Виктория Викторовна?

— Нет... Да... Я уже закончила.

Вика опустила крышку фортепиано. Что-то подсказывало ей, что Сытин заглянул к ней неспроста. Как назло, ученица опаздывает. Сытин проник в класс так, как появляются в зале опоздавшие на концерт — чуть ли не на цыпочках. Такая предупредительность всегда настораживала Вика — жди какой-либо неприятности.

— Я зачем зашел... — начал директор, глядя мимо Виктории в окно. — Я хочу прослушать программу вашей Кузминой.

— Для чего? — насторожилась Виктория.

— Ну... Вы ведь в курсе — скоро зональный конкурс. Возможно, от школы придется выставить вашу Кузмину.

— Опять Кузмину!

Вика опешила. Внутри начало закипать заслуженное возмущение.

— Но на зональный Ольга Петровна готовит Сосницыну! — напомнила она.

— Да... Но, между нами говоря, у Сосницыной не хватает темперамента. У нее не те данные, что у Кузминой.

Конечно, Сытин обдумал, что скажет Виктории. А она оказалась застигнутой врасплох. На прошлой неделе Вика успокаивала Кузмину, разревевшуюся прямо на уроке. Девчонку можно понять — весна, гулять хочется, а у той занятия в двух школах да еще постоянные конкурсы. Волком завоешь.

— Но Кузмина только зимой участвовала в «Юном виртуозе»! Мы с ней каждый год ездим на зональный! Вы что, сломать мне ее хотите? Мы все каникулы с ней просидели за инструментом!

Виктория осеклась, заметив, как удовлетворенно наблюдает за ней директор. Да он нарочно подбрасывает масла в огонь, чтобы она завелась. Вампир жаждет ее крови! Спокойно, Виктория! Возьми себя в руки.

Вика одернула на себе жакет и закрыла рот. В конце концов, это можно было предвидеть. На последнем педсовете чуть не передрались. Никто не хотел участвовать в конкурсе. Педагоги устали. А Ольга Петровна, так та вообще всегда делала все возможное, чтобы не выставлять учеников. И теперь, когда она начала дрессировать Сосницыну, плохо верилось, что дело будет доведено до конца. Участие в конкурсе — это всегда труд, пот, нервы и риск. Риск получить мордой об асфальт за все твои старания. Ученик может разволноваться, раскапризничаться и, наконец, просто заболеть и свести на нет все твои усилия. Да и потом, школы больших городов выставляют на конкурс отборных учеников, ибо есть из чего выбрать. А у них?

В школу берут всех подряд, лишь бы желание было. А уж если у кого слух оказался — того сразу на конкурс...

Петровна мордой об асфальт получать не любит, поэтому на подвиги старается выдвинуть молодежь. А чаще всего ее, Викторину, которую откровенно недолюбливает.

А за что, спрашивается? Все за то, что Виктория по причине тесного соседства классов является невольной свидетельницей Петровниных педагогических эксцессов.

Переговоры с директором привели к тому, что Вика с дрожащим подбородком вылетела из класса и наткнулась на Петровну, дежурившую в коридоре в ожидании результатов переговоров. Толкнув коллегу плечом, Виктория пролетела мимо со свистом, как скоростная электричка. В вестибюле ее притормозила Надя, жена Сытина:

— Викуша! Ты не заглядывала в учительскую? Там косметику привезли.

— Нет! — вздрогнула Виктория и выскочила на улицу.

Косметика! Какая может быть косметика, если сестра Юлька уехала на месяц на сессию, оставив им с матерью своего полуторагодовалого сына... Две их зарплаты ушли на детское питание. Косметика...

Вика чувствовала, что находится на грани нервного срыва. Прийти домой, налить горячую ванну и на час залечь отмокать! Именно этого требовали ее натянутые нервы. Не тут-то было! Дома она застала отца. Гость редкий и потому дорогой. Пришел навестить больную жену. Лекарства, фрукты, сладости. Понятно... Мать — полотенце на голове — ни-

какая. Отец возле — исключительно шепотом. Выслушав жалобы отца на трудности в бизнесе, Вика отправилась в сад за Ромкой. Племянник домой идти категорически не хотел и норовил попасть во все лужи. Отлавливая Ромку, Вика думала о том, что раньше, когда отец жил с ними, он не отличался подобной заботливостью. Или просто мать была моложе и не болела?

Когда отец распрощался, мать как ни в чем не бывало поднялась и уселась раскладывать пасьянс. Вика смотрела на нее, хлопая ресницами.

— Мам, ты что, нарочно перед ним большую изображаешь? — не выдержала она. — Думаешь, из жалости вернется?

Мать обернулась и посмотрела на Вику как-то даже снисходительно.

— Глупостей-то не говори. И не смотри на меня так. Вернется... Зачем он мне теперь — портки его стирать? На старости... Нет, это пусть молодая делает. А вот он виноватым себя чувствует, и ладно. Мы с ним жизнь прожили, и только я вокруг него бегала, а он вокруг меня — никогда. А теперь видишь как беспокоится... А меня это устраивает. Только смотри ему не скажи! Я хоть для себя поживу.

Но пожить для себя у матери не получалось. Только закончила пасьянс, заявила Юлька с мужем Игорем.

— Я на побывку! Мы у вас переночуем.

Мать с Викторией ринулись на кухню — сооружать ужин. А Юлька подвинула к себе поближе вазу с фруктами.

Весь вечер сестра щебетала о своих преподавателях в колледже, об однокурсниках и о Ромке, который успел заснуть на Викином диване. Вика

не могла вникнуть в суть Юлькиной болтовни. Нет-нет да и вспоминала о записке. Думала: ехать? Не ехать?

Спать лечь пришлось с племянником, а это было сущим наказанием: он брыкался во сне и вздрагивал. Мать спала рядом на раскладушке, и Вика обреченно ждала, когда та захрапит. Заснуть с матерью в одной комнате практически невозможно. Нет, конечно, если ты глухой или нервы железные, тогда — да. Но прежде чем раздался раскатистый храп матери, из спальни донеслись Юлькины стоны и равномерное поскрипывание кровати.

Вика положила подушку на голову. И все равно слышала скрипы. Примерно полчаса спустя захрапела мать. Вика лежала среди какофонии бесцеремонных ночных звуков и чувствовала себя абсолютно лишней в собственной квартире. И в своей семье. А заодно и в мире вообще. Отец поглощен новой семьей и счастлив. Мать ушла в свои проблемы и считает, что у старшей дочери их нет. Юлька — та вообще не способна замечать дальше собственного носа. А ей, Вике, в пору выть на луну. Ей тридцать лет. Еще немного, и она станет похожа на Ольгу Петровну — будет так же орать на учеников, подпрыгивая от каждой неверной ноты. Да ее уже сейчас все раздражает. И храп матери, сотрясающий стены (напоминание о том, что неизбежно ждет ее, Викторию), и скрип в спальне, этот бесстыдный эгоистический скрип (напоминание о том, что ее не ждет). Никогда. Она так и останется не у дел, ничего не изведав, годная лишь на то, чтобы работать за других, профессионально расти да воспитывать племянников.

Горячая слеза жалости к себе сползла по щеке и увлажнила подушку. Племянник зачмокал под боком.

У Вики в мозгу всплыл весь текст письма: «Вика, милая! Хочешь — верь, хочешь — не верь, но это я, Марина. Вика, ты мне очень нужна. Поверь, ты одна в состоянии мне помочь! Приезжай сразу, как получишь письмо. Если ты не приедешь — я никогда тебе этого не прощу! Марина».

ГЛАВА 2

Вика стояла перед зданием областной клинической больницы и беспомощно крутила головой. Еще раз перечитала адрес: Краснодарская, 8. Прямо напротив нее на огромном, красного кирпича, корпусе красовалась аккуратная белая восьмерка. Приехали!

Впервые заползла мысль о розыгрыше. Если ее разыграли, то это финал... Хоть садись в лужу, в которой стоишь, и... хочешь — плачь, хочешь — смейся. Здесь, в этом огромном городе, у Вики никого нет.

День потерян. Можно, конечно, пойти погулять по магазинам. Но только не с Викиными деньгами. Придется возвращаться на вокзал. Ясное дело — здесь никто не живет. Тут — больница. Большие новые корпуса, больничные городок. Мимо Вики торпливо сновали люди туда-сюда. Несколько раз ее даже толкнули, да еще и посмотрели с подозрением, как на ненормальную.

Неизвестно, сколько бы она так простояла, если бы от ворот не отделился охранник в камуфляже и не поинтересовался, зачем она тут стоит. Вика молча протянула ему конверт с адресом. Охранник махнул рукой в глубь больничного двора, и Вика послушно пошла туда, куда ей показали. На адресе были ука-

заны корпус и номер комнаты. Внизу, в холле для посетителей, ей объяснили, что первая цифра у трехзначного числа — это этаж, и согласно ему нужно позвонить и вызвать кого нужно.

Вика так и сделала. Набрала по телефону код этажа и позвала Марину из двенадцатой комнаты.

Марина не вышла, но зато за Викой пришла молчаливая и строгая медсестра и позвала ее за собой.

Они проехали на лифте на шестой этаж. Молча миновали длинный пустынный коридор и подошли к палате № 12. Заглянув туда, медсестра разрешила: проходите.

Вика отчего-то испугалась. Она ничего не понимала, не успела себя подготовить к чему-то конкретному и запаниковала. Что-то подобное она испытала однажды, когда на соревнованиях ей предстояло съехать на лыжах с высокой горы.

Вика взяла себя в руки и, открыв белую дверь, вошла внутрь. Палата оказалась светлой, чистой и просторной. Здесь стояла всего лишь одна кровать, а остальная мебель — диван, кресла, телевизор — пыталась заменить собой домашнюю обстановку. Такие больничные палаты Вика видела, пожалуй, лишь в сериалах. Все это Вика успела отметить в те несколько первых секунд, когда перешагнула порог палаты. Как сфотографировала. А потом она увидела женщину на кровати.

Викин взгляд буквально прилип к ней, выискивая знакомые черты прежней Марины. Встретясь они случайно на улице, Вика, конечно, не узнала бы бывшую подругу. Бледный, с желтоватым оттенком цвет лица, круги под глазами. Да, вот глаза... Пожалуй, глаза — зеленые, с янтарными крапинами — остались прежними. Они вспыхнули, едва Вика сделала

первый шаг, засветились неподдельной радостью и чем-то еще...

— Я знала, что ты сегодня приедешь! — торжественно возвестила Марина и приподнялась. Она поправила подушку и села. — Возьми стул и садись поближе.

Вика сняла плащ, взяла стул.

— Марина, ты в своей записке ни словом не обмолвилась, что... ты в больнице... я даже не подозревала.

— Это неважно, — перебила Марина, жадно разглядывая подругу. — Главное, что ты приехала. Я так тебя ждала!

Марина взяла Вику за руку и с нежностью и с каким-то даже трепетом погладила ее. Вике стало неловко. Она почувствовала себя... слишком здоровой, что ли? Ей стало досадно за свой румянец на щеках, за свои мягкие белые пальцы, за свою здоровую полноту, которая теперь казалась неприличной на фоне болезненной Мариной худобы.

— Ты заболела? — спросила Вика очевидное.

— Да пустяки. Об этом — потом. Мы так давно не виделись! Я хочу, чтобы ты рассказала о себе.

Виктория физически ощущала на себе Маринин взгляд, полный неподдельной заинтересованности. Более того, эта заинтересованность носила характер жажды, оттенок чего-то собственного.

Марина смотрела на Вику так, как, должно быть, смотрят матери на детей, приехавших в родной дом после долгого отсутствия.

Виктория растерялась.

— Что обо мне рассказывать, Марина? Живем вдвоем с матерью. У отца другая семья.

— Правда? А твоя младшая сестра?

